

**ПАМЯТНИКИ
ЕВРАЗИИ
СКИФО-
САРМАТСКОЙ
ЭПОХИ**

МОСКВА • 1995

Посвящается 90-летию со дня рождения
А.П.Смирнова

ПАМЯТНИКИ ЕВРАЗИИ СКИФО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ

Г.А.Брыкина, Т.Н.Трунаева

ИДОЛЫ В ЗАХОРОНЕНИЯХ ФЕРГАНЫ

Широкие раскопки могильников в юго-западной Фергане дали обширный материал, характеризующий погребальный обряд древнего населения этой области. Он включал целый цикл действий, совершавшихся последовательно с момента смерти человека (устройство погребального сооружения, помещение в него умершего и погребального инвентаря, последующие поминальные церемонии). Этот материал очень важен для изучения мировоззрения и религиозных верований древних ферганцев.

Многие обычаи, практиковавшиеся при захоронении умерших в древности, сохранились до наших дней. Именно это обстоятельство помогает объяснить некоторые моменты древней погребальной обрядности. В данной статье мы остановимся на одном из них — на обычае класть в могилу антропоморфные скульптуры.

В 1982–1985 гг. нами был полностью раскопан могильник, насчитывавший 63 кургана и занимавший небольшую площадку на северном склоне хребта Майдан-тау. Под земляными насыпями курганов находились погребальные сооружения трех типов — погребения на древнем горизонте, подбои, катакомбы. Среди последних выделяются два типа: I тип включает сооружения с длинным дромосом, вытянутым в направлении север-юг и входом в северной стене дромоса; II тип объединяет сооружения с коротким широким дромосом и обширной камерой, вход в которую находится в южной стене дромоса. В трех катакомбах II типа в числе других предметов обнаружены небольшие алебастровые фигурки. Курганы расположены в центре могильника и в северной части в непосредственной близости друг от друга.

Обычный набор погребального инвентаря состоит из двух-трех сосудов, традиционного набора бус, среди которых резко преобладают стеклянные бусы над каменными, одна-две пряжки, чаще железные, реже — бронзовые, сурьматши с кусочком графита, проволочные серьги, бронзовые и железные перстни и кольца. Погребения с идолами отличаются от остальных обилием инвентаря. Во всех этих катакомбах находилось по два погребенных.

В катакомбе 20 обнаружены захоронения двух людей, погребенных в разное время. Более поздний погребенный частично перекрывал первого (рис. 1, А, 1).

Первоначальный погребенный был положен почти в центре камеры в вытянутом положении головой на северо-восток. Череп наклонен вправо и вперед так, что нижняя челюсть лежит на шейных

позвонках (рис. 1, А, 2). Руки вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки лежит около таза. Кисть левой руки не сохранилась. Ноги вытянуты и слегка сближены в коленях. Кости голени перекрещены в области голеностопных суставов. Видимо, при погребении они могли быть связаны.

При погребенном было много различных украшений. Под черепом лежали полусферические бронзовые бляшки, украшавшие головной убор.

Под черепом около шейных позвонков и в области грудной клетки обнаружены бусы, главным образом, стеклянные шаровидно-сегментовидные, бипирамидальные, биконические со срединным ребром и без него, цилиндрические, одна шаровидная и многочастные. Кроме того, около шейных позвонков находились раковины каури, сердоликовые и перламутровые бусы (рис. 2: 8, 9, 16, 17, 18, 19, 21, 22).

Справа от черепа рядом с ним лежал железный трехлопастный наконечник стрелы (см. рис. 2: 20). На фаланге правой руки, чуть ниже таза найдено бронзовое проволочное кольцо с завязанными в виде двух петель концами, перехлестывающими друг друга (см. рис. 2: 3). Под правой половиной таза лежала очень массивная железная округло-рамчатая пряжка (рис. 3: 23). Справа от позвоночника на уровне пояса лежала еще одна железная пряжка, округло-рамчатая, с подвижным язычком и двойным прямоугольным щитком (см. рис. 2: 2, 4).

Слева от позвоночника на уровне пояса обнаружена группа сильно спекшихся предметов, которые, судя по остаткам ткани, были положены в мешочек, привязанный к поясу. В нем находились три железных перстня не совсем ясно-й формы с овальными щитками (см. рис. 2: 2, 5) и разомкнутыми концами. На перстнях изнутри обнаружены отпечатки ткани. В этом же наборе были раковины каури (см. рис. 2: 15), несколько кольчужных колечек, бронзовый перстень с разомкнутыми концами с уступчато-желобчатым переходом к щитку, на щитке овал, образованный точками, внутри овала — "шестилистник" (см. рис. 2: 4).

Особо следует обратить внимание на бусы, найденные около правой локтевой кости: четыре стеклянных бусины, две многочастные, одна призматическая и одна шаровидная с белым ободком вокруг отверстия с одной стороны. Видимо, они составляли браслет, носившийся около локтя (см. рис. 2: 10, 11, 12, 14).

Первоначальный погребенный был покрыт ка-

мышовой циновкой, об этом свидетельствует наличие на костях слоя белого камышового тлена.

Второй умерший был положен на эту циновку. Погребение было совершено еще до того, как разложились ткани первого погребенного. Все это сказалось на положении скелета второго погребенного. Так, видимо, его голова лежала на голове первого погребенного. После того как распались связи, она упала и лежала на затылочной кости около восточной стены катакомбы. Позвоночник изогнут в поясничном отделе. Руки вытянуты вдоль тела, кисти лежат по сторонам от таза. Ноги вытянуты и сближены в голеностопной части. Видимо, при погребении они были связаны.

При втором погребении вещей было значительно меньше, чем при первом. На правом плече и в области грудной клетки обнаружены бусы, в основном из прозрачного зеленого и синего стекла (крупные катушковидные и боченовидные, крупная дольчатая, перламутровые и дисковидно-сегментированные). На левой стороне таза лежала бронзовая литая пряжка. Она имеет прямоугольный выпукло-вогнутый шток. Один конец ее завершается овальной прорезью с клювовидным выступом (см. рис. 2: 2). Рядом с пряжкой лежала бронзовая трехчастная пронизь (рис. 2: 6).

Помимо вещей, находившихся непосредственно на погребенных, в катакомбе были и другие предметы. Слева от погребенных, ближе к задней стене катакомбы, лежала бронзовая застежка биконической формы с желобком посередине и шаровидными концами (рис. 2: 5).

За головами погребенных, около восточной стенки катакомбы, лежал на боку лепной горшок с округлым дном, шаровидным туловом и невысоким прямостоящим горлом (рис. 3: 3). В горшке находилось глиняное биконическое пряслище (см. рис. 2: 26).

Слева от погребенных на уровне их бедренных костей лежал большой лепной широкогорлый кувшин с ручкой, с широким плоским дном, шаровидным туловом, цилиндрическим горлом, в нижней части горла при переходе к тулову — бороздка (см. рис. 3: 6).

Справа от погребенных на уровне берцовых костей стоял гончарный красноангобированный кувшин с широким горлом (см. рис. 3: 4).

Между сосудами лежал лицом вниз алебастровый идол. Он имеет торс цилиндрической формы и массивную по сравнению с торсом голову, сужающуюся кверху. Скулы широкие, подбородок округлой подтреугольной формы. Лоб сильно скошен назад. Овальные большие глаза обозначены глубокими прочерченными бороздками и раскрашены черной краской. Внешние концы их подняты вверх. Брови в виде невысоких валиков покрыты черной краской и идут вразлет от носа. Нос прямой, очерчен тонкой бороздкой. На щеках под глазами и на лбу красные пятна. Рот рельефным рисунком не обозначен, он, видимо, был нарисован красной краской. Следы ее видны под носом. Голову увенчивает черный конусовидный головной убор, видимо, шлем. Он слегка нависает над лбом, закрывает полностью затылок и уши (см. рис. 2: 1).

Принадлежность вещей погребенным устанавливается их расположением в погребальной камере. Все вещи на скелетах принадлежали тем погребенным, на скелетах которых они обнаружены.

Сосуды, стоявшие около восточной и юго-западной стенок катакомбы, видимо, были помещены в нее при первом захоронении. Тогда же был положен и идол. Кувшин справа от погребенных был поставлен при захоронении второго умершего.

В катакомбе кургана 13 находились два погребенных. Захоронения их совершались последовательно с небольшим интервалом (рис. 4: 1). Первый погребенный был положен на камышовую подстилку в вытянутом положении головой на северо-восток. Лицо, видимо, было обращено кверху, но после того, как связи разложились, череп наклонился влево и сместился к левому плечу. Левая рука согнута в локте, и ее кисть лежит на тазовых костях. Правая рука вытянута вдоль тела. Ноги вытянуты и лежат параллельно одна другой. Кости стоп лежат аморфной кучкой между берцовыми костями. Видимо, такое смещение костей произошло при захоронении второго умершего (см. рис. 4: 2). При погребении было много украшений. По сторонам от черепа лежали две массивные литые бронзовые серьги. Они трехгранные в сечении. Каждая из граней вытянута и имеет в центре маленькое углубление, в которое вставлялся глазок из камня или стекла. Сверху серьги завершаются валиком, к которому прикреплялись дужки. Внизу серьги имеют по два валика и шарообразный выступ. Серьги абсолютно идентичны и отлиты в одной форме (рис. 5: 2, 3). Под черепом, под правой лопаткой, на груди между ребрами было много бус, разнообразных по форме. Преобладают бусы шаровидно-сегментированные крупные и мелкие, есть также цилиндрические и четырехгранные призматические, биконические с хорошо выраженным ребром, усеченно-пирамидальные, восьмигранные. Преобладают бусы из прозрачного светло-зеленого стекла, но есть также бесцветные, ярко-синие и голубые (см. рис. 5: 5, 12, 8, 9, 14, 16, 17). На груди около позвоночника лежал большой железный крючок из узкой длинной пластины (см. рис. 5: 18). Около локтя правой руки лежал железный перстень с овальным щитком и разомкнутыми концами (см. рис. 5: 7).

Второй погребенный был положен на первого на спину головой на юго-восток. Позвоночник изогнут в поясничном отделе. Череп находился в юго-восточном углу катакомбы и лежал основанием на позвоночнике. Руки согнуты в локтях, локтевые кости левой руки почти прижаты к плечевой кости. Локтевые кости правой руки лежали под углом 45° по отношению к плечевой кости. Ноги первоначально стояли коленями вверх. После разложения связок они упали влево, и колени обращены к задней стенке катакомбы.

Под черепом, около шеи и на грудной клетке между ребер было много бус. Преобладают бусы из темно-синего стекла, но есть также бусы из светло-синего прозрачного, бирюзового стекла (см. рис. 5: 13, 15, 19).

На грудной кости около позвоночника лежал

фрагмент раковины каури. Рядом с ней — бронзовая застёжка гантелевидной формы, аналогичная найденной в кургане 20 (см. рис. 5: 4).

На груди на нижней части грудной кости обнаружена бронзовая китайская монета с квадратным отверстием в центре. Н.Г.Ивочкина относит эту монету предположительно ко времени до н.э. и отмечает, что такого типа монет в катакомбах Ферганы нет.

Под грудной костью лежала часть небольшого железного бубенчика. Рядом с ним обнаружен бронзовый перстень из тонкой пластины с напаянным гнездом для глазка (см. рис. 5: 6).

Слева от входа в катакомбу лежал крупный амулет из черного гешира (см. рис. 5: 10). Рядом с амулетом находились три раковины каури и две крупные бусы (см. рис. 5: 11). Около северной стены лежали два керамических пряслица усеченно-конической формы (см. рис. 5: 20). Около северо-восточной стены катакомбы стоял большой лепной кувшин с шаровидным туловом и высоким цилиндрическим горлом (см. рис. 3: 5). Почти вплотную к кувшину лежал фрагмент небольшой мисочки (см. рис. 3: 1).

Между кувшином и северной стеной катакомбы лежал маленький алебастровый идол. Он сделан из уплощенного стержня, один конец его менее расширен, чем другой. Лицо вырезано на утонченном конце стержня. Оно очень схематично. Но имеет вид сильно выступающего прямого валика, подчеркнутую широкими бороздками. Лоб скошен. Его пересекают две параллельные черные бороздки. Глаза овальные, подчеркнуты черной краской. Зрачки также черные. На щеках черные дуговидные линии с поднятыми внешними концами. В нижней части лица также дуговидные линии, vyplненные красной краской. Затылок покрыт черной краской. Роспись на лице сохранилась плохо, особенно красная краска (см. рис. 5: 1).

Принадлежность вещей погребенным устанавливается следующим образом. Все вещи, обнаруженные на скелетах, являлись личными вещами погребенных и принадлежали тем погребенным, на скелетах которых они обнаружены.

Сосуд около восточной стены был поставлен при захоронении первого умершего. Тогда же были помещены в катакомбу идол и обломок миски. Амулет и группа украшений, лежащих у входа, сопровождали второго погребенного.

В кургане 33 находились два погребенных. Захоронения совершались последовательно.

Первый умерший был положен около юго-западной (задней) стены камеры. Скелет очень разрушен. Можно предположить, что погребенный был положен на спину головой на северо-восток. Лицо было обращено вверх. Анатомический порядок костей сильно нарушен. Кости рук и ног сохранились не полностью (см. рис. 1, Б, 1).

При погребенном были крупная железная пряжка с подвижным язычком (рис. 6: 7), трехлопастной листовидный наконечник стрелы (см. рис. 6: 10) и срединная пластина обкладки лука.

Такое разрушение и смещение скелета произошло, видимо, при помещении в камеру второго умершего. Его захоронение совершено значительное

время спустя после первого, когда ткани и связки первого погребенного частично разложились.

Второй погребенный был положен на спину головой на северо-восток в вытянутом положении вплотную к первому. Череп лежал на левой щеке, лицо обращено к югу. Скелет сохранился не полностью. Сильно разрушены кости грудной клетки. Совершенно отсутствуют кости таза. Нет правого бедра. Берцовые кости сохранились не полностью.

При втором погребенном вещей было значительно больше. Около черепа и под ним собрано большое количество бус. Среди них три шаровидные сердоликовые и стеклянные различной формы и цвета. Среди бус лежала раковина каури, входившая в ожерелье. Около черепа был положен рассыпавшийся сурьматаш из темно-серой гальки (см. рис. 6: 11).

Над тазовыми костями находился крупный бронзовый колокольчик (см. рис. 6: 8), а под ним лежала китайская бронзовая монета типа у-шу с квадратным отверстием в центре. Кроме того, при погребенном были маленькая железная пряжка с подвижным язычком (см. рис. 6: 9), три железных перстня, один с овальным щитком и разомкнутыми концами (см. рис. 6: 4, 5). Около бедра правой ноги лежали прямоугольные пластины, заканчивающиеся маленькими крючками, и три кольчужных кольца (см. рис. 6: 2, 3, 6).

В изголовье погребенных стояли два больших широкогорлых кувшина (см. рис. 6: 12, 14). Между черепами стояла маленькая кружечка с петлеvidной ручкой (см. рис. 6: 13).

За сосудами, почти вплотную к ним, лежал маленький алебастровый идол. Высота фигурки 9,6 см. Голова идола яйцевидной формы. Она сплюснута спереди и сзади. Лицо овальное со слегка расширенными скулами. Нос прямой и длинный. От него вразлет расходятся брови. Сильно выпуклые глаза миндалевидной формы. Рельефный рисунок лица подчеркнут росписью: черной краской раскрашены брови и околонтурены глаза. Щеки рассекают широкие красные полосы,ходящиеся под носом. Голову облепает черный головной убор в виде шлема. Шея не обозначена, торс цилиндрический с уплощенным основанием (см. рис. 6: 1).

Сосуды у восточной стены катакомбы были, видимо, поставлены при первоначальном захоронении. Об этом свидетельствует поза второго погребенного — изогнутая шея. Видимо, позу этого погребенного приспособляли к уже сложившемуся интерьеру камеры: голова вместе с шеей была отклонена влево, чтобы не потревожить сосуды.

При первоначальном захоронении был, видимо, положен идол. Поскольку обычай неоднократных захоронений в катакомбу жителями, оставившими могильник, практиковался часто, идол был спрятан в углу камеры за сосудами.

Статуэтки из Ташравата — не первые находки подобного рода. В ферганских курганах алебастровые антропоморфные фигурки найдены трижды. В кургане 19 Тураташского могильника массивная алебастровая статуэтка была положена в подобной месте покойника. Помимо статуэтки в могиле находились пять сосудов, бронзовое зеркало, гли-

няное прясло, бусы. Этот курган, как полагал автор раскопок Ю.Д.Баруздин, являлся кенотафом. Он был сооружен в память о человеке, погибшем вдали от родных мест. Судя по составу погребального инвентаря, это была женщина [Баруздин, Брыкина, 1962. С. 26–27. Рис. 7].

В Ворухском могильнике алебастровые идолы обнаружены в погребениях молодых женщин у ног погребенных: в кургане №3 – за пределами гроба [Давидович, Литвинский, 1955. С. 29. Рис. 9], в кургане №51 – около колена правой ноги [Литвинский, 1961. С. 69. Рис. 6]. Идол из кургана №3 очень схематичен. Он имеет вид небольшого стержня. Верхняя его часть изображает человеческое лицо, нижняя – шею. Глаза имеют миндалевидную форму. Нос большой прямой. Лицо покрыто серой краской, покрывающей всю фигуру, раскрашено розовой краской [Давидович, Литвинский, 1955. С. 19]. Идол из кургана №51 изображает женщину в полный рост. В фигуре видна явная диспропорция. Голова непомерно велика по сравнению с туловищем. Она имеет яйцевидную форму и сильно вытянута в теменной части. Скулы широкие, треугольный подбородок выступает вперед. Нос большой с горбинкой, глаза миндалевидные. В верхней части туловища высокими бугорками обозначена грудь. Ноги имеют вид конусов [Литвинский, 1961. С. 71. Рис. 7].

В 1985 г. на окраине кишлака Кайрагач в 250 м от усадьбы открыто наземное погребальное сооружение наус, являвшееся местом захоронения останков обитателей усадьбы. В наусе находились расчлененные скелеты. Погребения совершены по зороастрийскому обряду. Около северо-восточной стены науса перед входом в камеру на полу лежала большая антропоморфная скульптура. Она представляет собой изображение человека по плечи. Голова большая, вытянутая и уплощенная спереди и сзади. Лоб высокий и уплощенный, глаза выпуклые, овальные; нос прямой, длинный с горбинкой. Маленький рот обозначен глубокой бороздкой. Шея длинная, плечи узкие, скругленные. Снизу в скульптуре – цилиндрическое отверстие. На его стенках видны отпечатки дерева. Вероятно, скульптура надевалась на штырь. Вся ее поверхность была покрыта розовой краской, нанесенной по алебаstrу.

Как видим, антропоморфные скульптуры из Ферганы связаны с захоронениями, совершенными различным способом. Они найдены в грунтовых могилах (Ворух), в подбоях (Тураташ), в катакомбах (Ташрават), в наземном погребальном сооружении (наус в Кайрагаче).

Нам представляется, что все комплексы, из которых происходят алебастровые идолы, могут быть датированы серединой I тыс. н.э. При погребенных в курганах находились керамические сосуды, характерные для этого времени, трехлопастные наконечники стрел, а также большое количество всевозможных украшений: каменные и стеклянные бусы, литые перстни с овальным щитком и пластинчатые перстни с напаянным гнездом, массивные литые серги.

Круг аналогий скульптурам из захоронений достаточно широк. Самые восточные находки про-

исходят из могильника Астана в Восточном Туркестане [Stein, 1928. V. III. Т. СIII]. Самые западные находки сделаны в курганах Узоя [Юсупов, 1972. С. 47] и в наземных каменных сооружениях Джанака в Закаспии [Мандельштам, 1982. С. 79]. На юге Таджикистана алебастровый идол обнаружен в наземном сооружении II могильника Тепай-Шах.

Большое количество схематичных алебастровых фигурок происходит из курганов северо-восточной группы могильников Джеты-Асар 3. Как видим, ареал находок достаточно обширен, но наибольшая их часть связана с памятниками бассейна Сырдарьи.

Общей чертой всех скульптур является большая схематичность в трактовке лица. Вместе с тем каждая из фигур имеет свои индивидуальные черты. Ташраватские идолы стилистически сходны с идолышками культового комплекса в Кайрагаче [Брыкина, 1982]. Большая скульптура из науса почти идентична одной из больших скульптур, происходящих из Кайрагачского святилища [Брыкина, 1982. С. 92. Рис. 11]. Отличие состоит в том, что фигура из науса, как нам представляется, изображает человека с закрытыми глазами. Она, видимо, предназначалась для помещения в погребальное сооружение и передает облик умершего человека. Как и кайрагачские, они имеют головы с сильно скошенными лбами, большие выпуклые глаза, большие с горбинкой носы. Сходен с кайрагачскими идолами и идол из кургана №51 Ворухского могильника. Несомненно стилистическое сходство всех фигур заставляет предполагать, что они изготовлены в одной мастерской.

Видимо, все фигурки передают облик конкретных людей. При большом сходстве каждая из скульптур имеет свои индивидуальные черты. Скульптуры передают не только портретное сходство с их прототипами, но и физический тип населения юго-западной Ферганы. Все фигурки передают облик людей, принадлежавших европеоидной расе. Различие же в строении лица скульптур свидетельствует о том, что они принадлежали к двум типам европеоидной расы – средиземноморскому и типу среднеазиатского междуречья [Брыкина, 1982. С. 125]. Ташраватские скульптуры, как и кайрагачские, передают облик людей обоих типов – фигурка из кургана №33 изображает широкоскулого человека, принадлежавшего к типу среднеазиатского междуречья. К этому же типу принадлежал прототип фигурки из кургана №51 Ворухского могильника. Фигурки из курганов 13 и 33 передают облик узколицых людей средиземноморского типа (рис. 2: 1; 4: 1). Нужно сказать, что информация, переданная антропоморфными изображениями, вполне достоверна, так как, судя по антропологическим данным, в I тыс. н.э. в Фергане проживало европеоидное население, принадлежавшее к двум типам этой расы.

А.М.Мандельштам считал, что идолышки из Джанака передают облик каких-то конкретных групп людей [Мандельштам, 1982]. Они имели широкое лицо с прямым выступающим носом и большими косо поставленными глазами. Эти признаки указывают на то, что фигурки олицетворяют

людей, принадлежавших типу среднеазиатского междуречья европеоидной расы.

Б.А.Литвинский в связи с первой находкой идольчика в Ворухском могильнике писал, что эта находка "является важным звеном в цепи антропоморфных изображений, связанных с погребальным культом" [Давидович, Литвинский, 1955]. А.М.Мандельштам также связывал антропоморфные скульптуры с погребальным ритуалом [Мандельштам, 1982. С. 79]. Находки последних лет расширили представление о назначении антропоморфных статуэток. Оказалось, что они связаны не только с погребальным культом, но характеризуют и другие стороны мировоззрения древнего населения. В погребальном же обряде, как показали находки в ферганских курганах, скульптуры играли различную роль.

В среднеазиатском эпосе и этнографии антропоморфным изображениям, связанным с погребальным обрядом и траурными церемониями, принадлежит значительное место. Выделяются три группы, четко различающиеся по назначению.

Первая группа — это траурные знаки, отмеченные А.Л.Троицкой в верховьях Зеравшана. Таджики кишлака Мадрушкан на могилах юношей и девушек или нерожавших женщин ставили траурный знак, увенчанный куклой в виде мужчины или женщины в зависимости от пола покойного и одетого в платье покойного [Троицкая, 1971. С. 241].

Подобный обычай был известен кафирам Гиндукуша, ставившим через год после смерти взрослого кафира на его могиле изображение в его память [Робертсон, 1906]. Фигуру вырезали из дерева; лицо раскрашивали, глаза и рот обозначали инкрустацией из камней. Голову мужского изображения увенчивала чалма. На голове у женщин — рогатый головной убор. При фигурах часто было оружие — лук, стрелы, иногда фистульные ружья.

В Средней Азии обычай ставить куклы на могилах не был распространен, но намогильные антропоморфные схематические изображения в южной Туркмении отмечались неоднократно. К ним относятся фертообразные намогильные камни [Массон, 1949], резные дощечки, палки, прутья, одетые в матерчатые колпачки [Давидович, Литвинский, 1955. С. 57].

Этнографы рассматривают эти изображения как изображение покойного, ставившееся в память о нем, или же как его спутник или оберег.

Вторая группа антропоморфных изображений связана с траурными церемониями и поминальным культом. Изображения этой группы делались на определенное время, ограниченное поминальным циклом, и были связаны с анимистическими представлениями, с верой в душу, продолжающую жить и после смерти человека.

В 1928 г. М.С.Андреевым у ферганских киргизов, живших в районе Касана, был отмечен обычай делать изображение умершего, в котором, по представлениям киргизов, находилась душа умершего. Это изображение, называемое "тул", делалось из вертикально поставленной подушки, одетой в одежды умершего [Андреев, 1929. С. 116] или же имело деревянный остоу [Абрамзон, 1946. С. 56; 1971. С. 28]. Изображение ставилось в углу и

отгораживалось занавеской. "Тул" находился в юрте в течение года до больших поминок, являясь своего рода заместителем умершего. После тризны деревянные части его сжигались вместе с траурной одеждой вдовы [Абрамзон, 1971. С. 328; Баялиева, 1969]. Тяньшанские киргизы во время тризны сажали на двух или трех коней некие подобия человека в одеждах покойников. Кони стояли около юрты до конца аша (тризны) [Абрамзон, 1971. С. 328]. Обычай делать "тул" отмечен С.М.Абрамзоном в нескольких районах в Киргизии. Он существовал также и у казахов [Левшин, 1832. С. 110; Потанин, 1883].

У других же народов Средней Азии он не отмечен ни разу, но зато широко был распространен у сибирских народов. Он существовал у нанайцев и гольдов, изготовлявших куклу "Фаня", одетую в одежды покойного и являвшуюся вместилищем тени и астральной души покойного. "Фаня" хранится в доме в течение трех лет в определенном, отведенном для нее месте. Ей оказывают внимание, какое обычно проявляется к живому человеку, ее кормят и поят, с ней разговаривают. Через три года совершался обряд "касатури", при котором делалась другая кукла — "мугде", также одетая в одежды покойного, в нее под действием шамана вселялась душа покойного. "Мугде" бросали в костер, где она должна была частично обгореть [Липский, 1956]. У сосвинских манси и хантов, живших на Оби ниже Иртыша, изображения умерших хранятся в доме. У первых они передаются по женской линии, у хантов — по мужской. Манси в случае смерти последней представительницы семьи хоронят изображение вместе с ней [Чернецов, 1952].

Тюркские народы, жившие на Черном Иртыше, делали изображения умерших из дерева и камня только в том случае, если покойник при жизни пользовался уважением [Катанов, 1894. С. 21].

Некоторые исследователи склонны сравнивать обычай "тул" с существовавшим у осетин обрядом "сидения мертвых", суть которого состоит в том, что на шестой неделе великого поста вдова в присутствии родственников сооружает изображение покойного мужа из деревянной крестовины, облаченной в одежды покойного. Изображение покойного ставится на видное место, а вокруг него садятся родственники. После совершения поминания гости остаются сидеть всю ночь [Миллер, 1981].

Общим в этом обряде осетин и в киргизском обряде "тул" является изготовление изображения покойного. В основе обоих обрядов лежат анимистические представления о том, что в изображение вселяется душа покойного. Однако осетинский обряд связан не с траурными церемониями, а с поминальным обрядом, совершаемым в определенный день года.

В связи с находками в ферганских курганах для нас большой интерес представляет третья группа антропоморфных изображений, также известных в этнографии среднеазиатских народов и непосредственно связанных с погребальным обрядом, где они играли двоякую роль.

В одних случаях куклы выполняли роль спут-

ников погребенного. Их клали под саван покойного в том случае, если при обмывании тело было мягким, что являлось признаком того, что умерший нуждается в спутнике и может призвать к себе кого-нибудь из оставшихся в живых. Этот обычай бытовал у узбеков Ташкента и был описан А.Л.Троицкой в 1928 г. [Троицкая, 1971. С. 241].

Тридцать лет спустя аналогичный обычай отмечен Т.Баялиевой у южных киргизов в селении Охна и в местности Кызыл-Булак (юг Ошской области). Здесь также под саван покойника, в том случае, если у него остались подвижными суставы и шея, клали изображение человека, которое называлось "куурчак", что значит кукла. Деревянные части куклы заворачивали в ту же ткань, из которой делали саван. Куклу клали в саван и при этом, обращаясь к умершему, говорили: "Это твой спутник". Как и узбеки, киргизы совершали этот обряд для того, чтобы умерший не повлек за собой в качестве спутника кого-нибудь из членов семьи. Кукла, таким образом, заменяла человека-спутника покойного [Баялиева, 1969].

Обычай помещать в погребения антропоморфные изображения прослежен с глубокой древности. Схематичные изображения из глины и алебаstra найдены в памятниках крито-микенской культуры [Титов, 1969. С. 48. Рис. 16]. В могильниках VI-V тыс. до н.э. в Двуречье [Антонова, 1971], в могильниках энеолита и бронзы в Южной Туркмении [Массон, Сарияниди, 1973], в могильнике Тандыр-йул в Южном Таджикистане найдены фрагменты объемной скульптуры из глины [Литвинский, Антонова, Виноградова, 1976. С. 567].

В Средней Азии этот обычай не имеет непрерывной традиции. У сибирских народов традиция помещать в погребение антропоморфные изображения прослежена на протяжении тысячелетий — с неолита до недавнего времени.

Ученые дают различные объяснения этому обычаю. Одни считают, что статуэтки помещались в мужские погребения в качестве спутников для удовлетворения сексуальных потребностей погребенных. Другие (В.М.Массон и В.И.Сарияниди) видят в статуэтках олицетворение семейных божеств и полагают, что они сопровождают наиболее влиятельных и почитаемых членов коллектива. В самом деле, обе статуэтки из Алтын-депе обнаружены в наиболее богатых погребениях. В одном случае, по мнению исследователей, погребенный являлся главой семьи и хранителем культовых традиций, в другом — жрицей [Массон, Сарияниди, 1973. С. 84].

В Китае в древности существовал обычай захоронения с покойником его жен, рабов, жертвенных животных. Но, начиная с эпохи Хань, все реальные спутники заменяются их изображением [Глухарева, Денике, 1948].

В этнографии хантов находит Л.Р.Кызласов объяснение обычая древних таштыкцев класть в могилу куклу из кожи, одетую в платье из шелка [Кызласов, 1960. С. 101]. У хантов существовало представление о тройственности человеческого "я", состоявшего из тела, души и тени. После смерти человека тело погребалось в могилу, высвободившаяся из него душа переселялась в младенца,

родившегося в том же роде. Тень же продолжает жить в подземном царстве, где она начинает новую жизнь. Она появляется там младенцем и должна расти. Кукла (шонгот) являлась вместилищем тени покойного. Она делалась для того, чтобы помочь погребенному расти. Ее делали сначала маленькой, а потом увеличивали в размере. О кукле заботились, ее одевали и кормили. А через год хоронили в той же могиле, что и покойного. Тень, таким образом, вновь объединялась с телом.

Стратиграфические наблюдения, проведенные Л.Р.Кызласовым при раскопках Оглахтинского могильника, привели его к мысли о том, что сначала погребался покойник, а затем в могилу клалась кукла (в таштыкских могилах куклы лежали поверх костяков). Вполне вероятно, что таштыкцы, как и ханты, делали это по истечении какого-то времени. Л.Р.Кызласов считает, что оглахтинские куклы служили вместилищем тени покойного [Кызласов, 1960. С. 100 и сл.].

В киргизском эпосе "Манас" находит объяснение другая группа антропоморфных изображений. Речь идет о статуэтке, обнаруженной в кургане №19 Тура-Ташского могильника и положенной в погребение вместо покойника. Из эпоса известно, что жена Манаса Конакей построила ему мавзолей еще при его жизни. Но, когда Манас умер, Конакей, опасаясь врагов, которые могли осквернить могилу, похоронила его в пещере, поставив у входа подпорку с изображением Манаса. В мавзолее же она положила его изображение, обернутое в белый войлок. Изображение, таким образом, выступает в роли заместителя умершего Манаса [Абрамзон, 1971. С. 331].

У эфталитов существовал обычай делать погребальную скульптуру. Изображения людей часто были в натуральную величину. Они олицетворяли умерших и заменяли их на погребальных церемониях, если человек погиб или умер вдали от родных мест. Погребальные скульптуры описаны Аммианом Марцелином в рассказе о похоронах хионитского царевича. Помимо Ферганы погребальные скульптуры найдены только в Хорезме — в Кангакале и на Куния-Уазе открыты погребальные камеры, в которых находились коллективные захоронения. Здесь же находилась объемная скульптура из алебаstra и глины, изображавшая людей. С.П.Толстов и Е.Е.Неразик считают, что эти памятники принадлежали хионитам [Толстов, 1962; Неразик, 1968. С. 198-199].

Б.А.Литвинский, сопоставляя существовавший у осетин обычай изготавливать изображение умершего с помещением скульптур в погребения скифо-сарматского круга, полагает, что этот обычай существовал у среднеазиатских ираноязычных кочевников. Находки подобного рода в памятниках оседлого населения он объясняет влиянием кочевников. Б.А.Литвинский полагает, что находка идола в некрополе Тепай-Шах свидетельствует о том, что "в состав местного населения влилась группа кочевников, пришедших с севера или об идущих с севера сильных культурных влияниях" [Литвинский, Седов, 1983. С. 53]. На это указывает тот факт, что скульптура из Тепай-Шаха передает облик широкоскулого человека, принадлежавшего к типу

среднеазиатского междуречья европеоидной расы. Анализируя находки среднеазиатских идолов из присырдарьинских памятников, Л.М.Левина отмечает, что все они происходят из памятников кочевых или полукочевых племен [Левина, 1971. С. 60–62]. Отсюда должен был бы следовать вывод, что эти идолы являются атрибутами кочевнических культов. В настоящее время большая часть находок происходит с поселений, где они найдены в домашних святилищах. Наиболее древние находки подобных скульптур происходят из памятников, оставленных оседло-земледельческим населением. Здесь было бы уместно говорить о том, что земледельческому и кочевому населению были свойственны одинаковые культуры с идентичными атрибутами.

Как видим, антропоморфные изображения игра-

ли различную роль в погребальном обряде и траурных церемониях и характеризовали различные стороны мировоззрения древнего населения Средней Азии. Но независимо от того, какова была их роль, все они связаны с анимистическими представлениями, с верой в то, что в изображении вселяется душа умершего.

Общей чертой всех ферганских идольчиков является их схематичность, из-за чего они имеют архаичный вид. Все статуэтки найдены в женских захоронениях. По-видимому, они являются женскими божествами – оберегами или же семейными божествами, хранительницами которых были женщины. Это заставляет видеть в обычае класть антропоморфную скульптуру в погребения отголоски верований материнского родового строя.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М., 1977.
- Абрамзон С.М. "Тул" как пережиток анимизма у киргизов//Белек С.Е.Малову. – Фрунзе, 1946.
- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
- Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Северная Фергана)//Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. 1. 1929.
- Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. – Фрунзе, 1962.
- Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Автореф. канд. дис. 1969.
- Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия н.э. – М., 1982.
- Глухарева О., Денике Б. Краткая история искусства Китая. – М., 1948.
- Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. – Сталинабад, 1955.
- Катанов Н.Ф. О погребальном обряде у тюркских племен Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до наших дней//ИОАИЭ. Вып. 2. 1894.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960.
- Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. – СПб., 1832.
- Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. ТХАЭЭ. – М., 1971.
- Литвинский Б.А. Исследования могильников Исфаринского района в 1958 г.//АРТ. Вып. 6. – Сталинабад, 1961.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тенаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. – М., 1983.
- Литвинский Б.А., Антонова Е.В., Виноградова Н.М. Раскопки могильника Тандыр-йул//АО 1975 г. – М., 1976.
- Липский А.Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н.э. – IV в. н.э.)//Краеведческий сборник. №1. Хакасский музей краеведения. – Абакан, 1956.
- Мандельштам А.М. Могильник Джанак II//КСИА. Вып. 167. 1982.
- Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М., 1973.
- Массон М.Е. О происхождении некоторых каменных надмогильников Южного Туркменистана//Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. 1949.
- Миллер В. Осетинские этюды. Ч.1. 1981; Ч.2. 1982; Ч.3. 1984.
- Неразик Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения южного и юго-восточного Приаралья в IV–VIII вв.//История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.
- Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Т. IV. – СПб., 1883.
- Робертсон Р.С. Кафиры Гиндукуша (извлечение). – Ташкент, 1906.
- Титов В.С. Неолит Греции. Периодизация и хронология. – М., 1969.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.
- Троицкая А.Л. Некоторые старинные обычаи и поверья таджиков верхнего Зеравшана//Занятия и быт народов Средней Азии. Тр. ИЭ АН СССР им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XCVII. – М., 1971.
- Юсупов Х. Результаты археологических работ в с.-з. Туркмении весной 1972 г.//КД. Вып. VI. – Ашхабад, 1977.
- Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров//ТИЭ АН СССР им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. II. – М., 1952.
- Stein A. Innermost Asia. V. III. – Oxford. 1928.

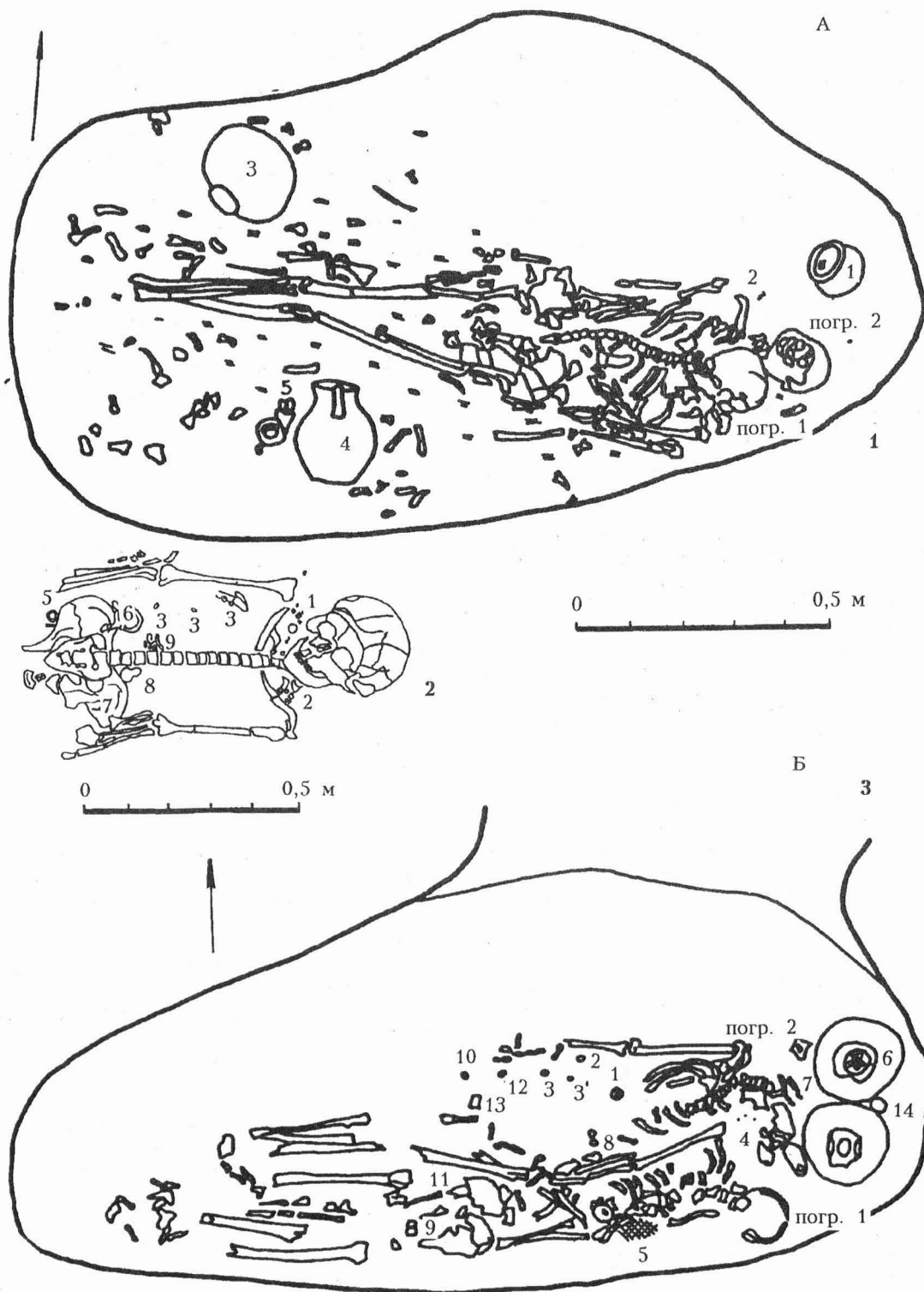

Рис. 1. А. Курган 20. 1. Размещение погребений 1 и 2 в катакомбе и вещей при погребенных: 1 — лепной горшок; 2 — пряслице; 3 — гончарный кувшин; 4 — лепной кувшин; 5 — идол; 6 — миниатюрный горшочек; 7 — золотостенная бусина; 8 — сердоликовая бусина.

2. Погребение 1 (деталь). 1, 2 — бусы; 3 — раковины каури; 5 — кольцо бронзовое; 6 — пряжка железная; 7 — следы ржавчины; 8 — железный предмет; 9 — обойма.

Б. Курган 33. 3. Размещение погребений 1 и 2 и вещей при погребенных: 1 — бронзовый колокольчик; 2 — бусина; 3 — обломок железного кольца; 4 — бусы; 5 — пряжка; 6 — кости барана; 7 — черешок стрелы; 8 — фрагмент пряжки; 9 — наконечник стрелы; 10 — фрагмент бронзового кольца; 11 — костяная обкладка лука; 12 — перстень железный; 13 — кольцо железное; 14 — идол; 15, 16 — сосуды

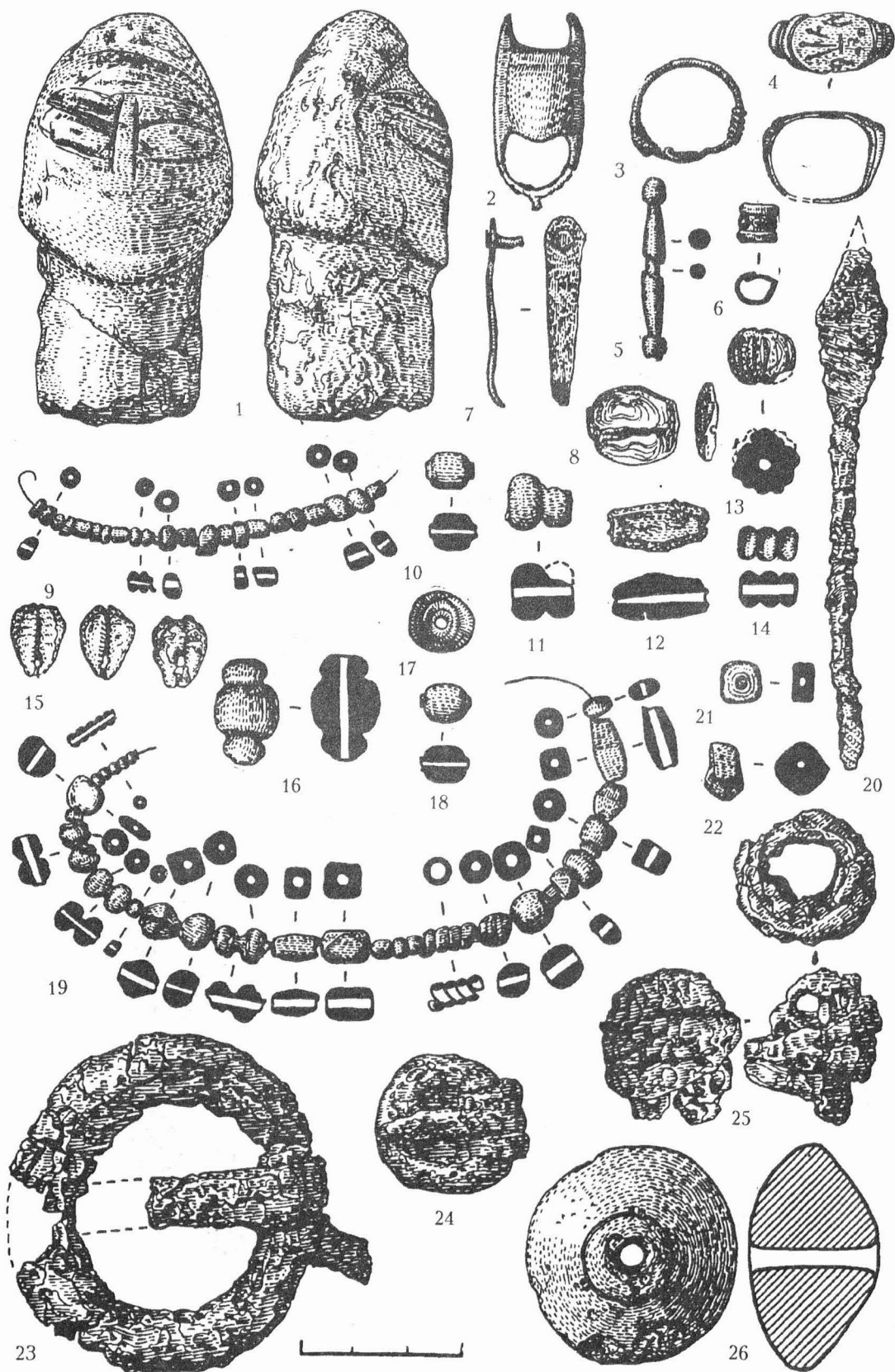

Рис. 2. Курган 20: 1 — идол алебастровый; 2 — пряжка бронзовая (погр. 2); 3, 4 — перстни бронзовые (погр. 1); 5 — застежка бронзовая (погр. 1); 6 — пронизка бронзовая; 7, 8, 10, 11, 13, 19, 21, 22 — бусы (погр. 1); 9, 12, 14 — бусы (погр. 2); 15 — раковина сагу; 20 — наконечник стрелы железный; 23, 24 — пряжки железные; 25 — перстень железный; 26 — пряслице глиняное

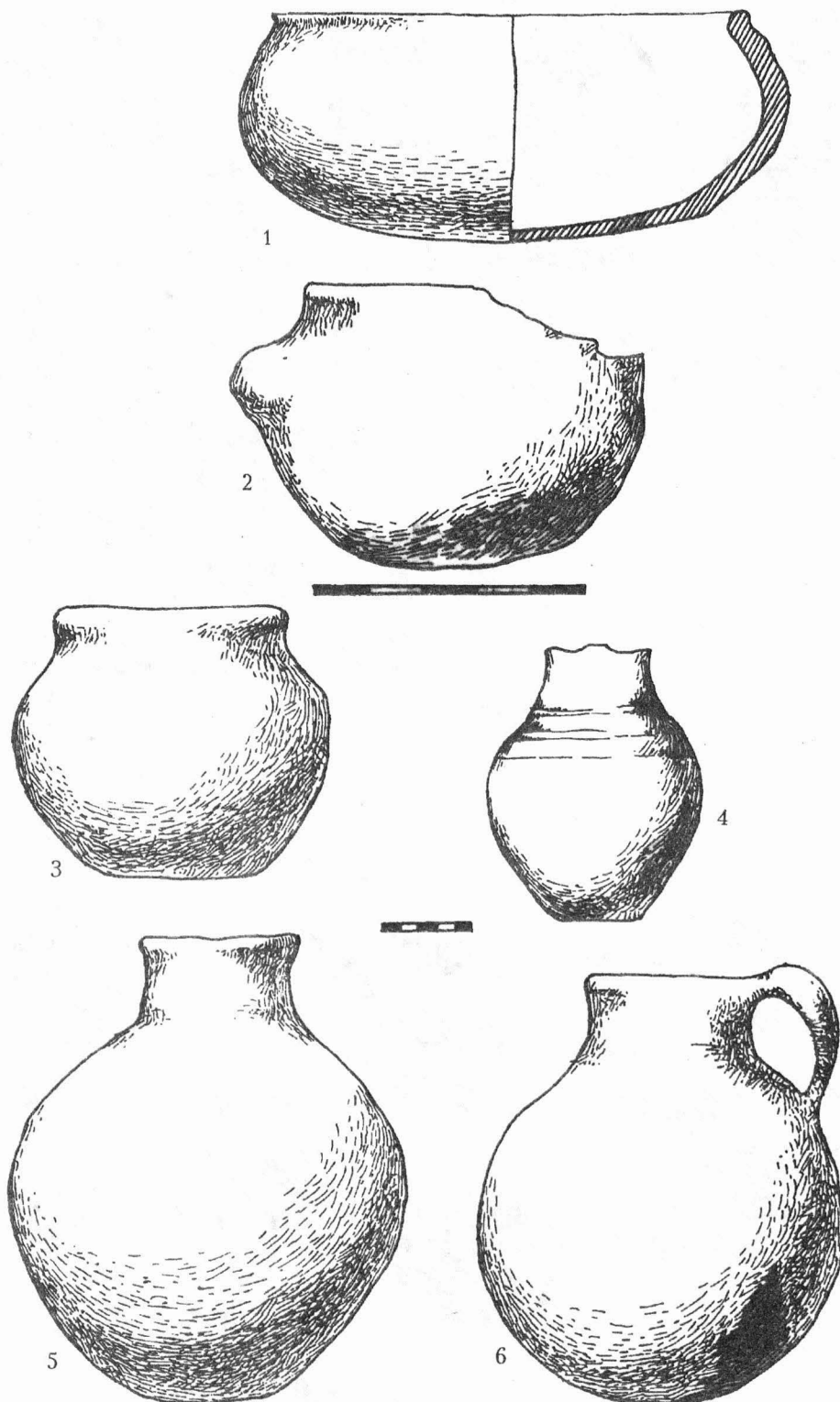

Рис. 3. Керамические сосуды: 1 – миска лепная (курган 13); 2 – миниатюрный сосудик (курган 20); 3 – горшок лепной (курган 20); 4 – кувшин гончарный (курган 20); 5 – кувшин (курган 13); 6 – кувшин лепной (курган 20)

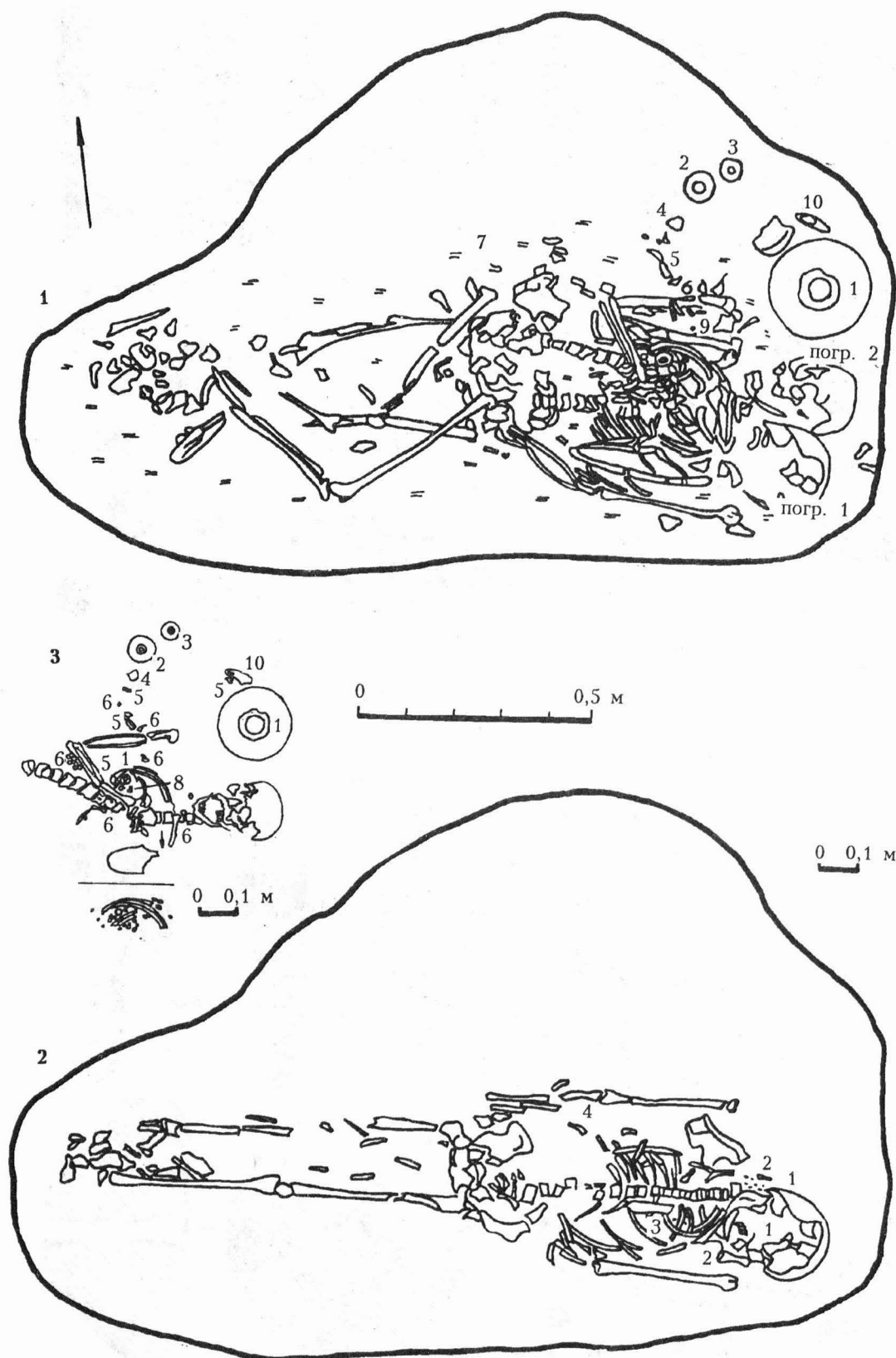

Рис. 4. Курган 13. 1. Размещение погребений 1 и 2 в катакомбе и вещей при погребенных.

2. Погребение 1. 1 – серьги бронзовые; 2 – бусы; 3 – нож железный; 4 – фрагмент железного перстня.

3. Погребение 2 (деталь). 1 – сосуд гончарный; 2, 3 – прясла керамические; 4 – амулет каменный; 5 – каури; 9 – кольцо бронзовое; 10 – идол

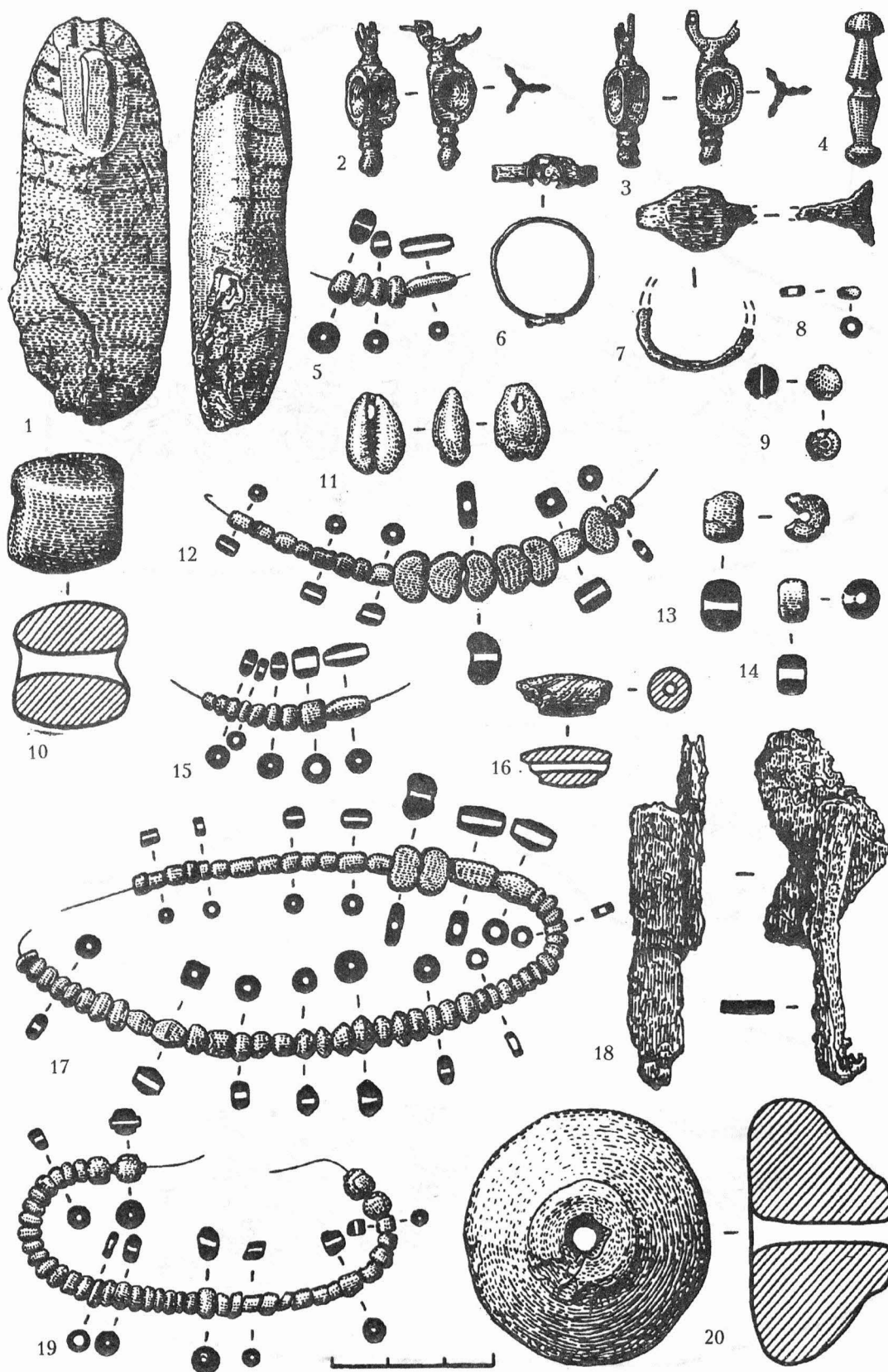

Рис. 5. Курган 13: 1 - идол алебастровый; 2, 3 - серьги бронзовые (погр. 1); 5, 8, 9, 12, 14, 17 - бусы (погр. 1); 11 - раковина сагу (погр. 2); 4 - застежка бронзовая (погр. 2); 6 - перстень бронзовый (погр. 2); 7 - перстень железный; 10 - амулет гешировый; 13, 15, 16, 19 - бусы (погр. 2); 18 - крючок железный (погр. 1); 20 - пряслице керамическое

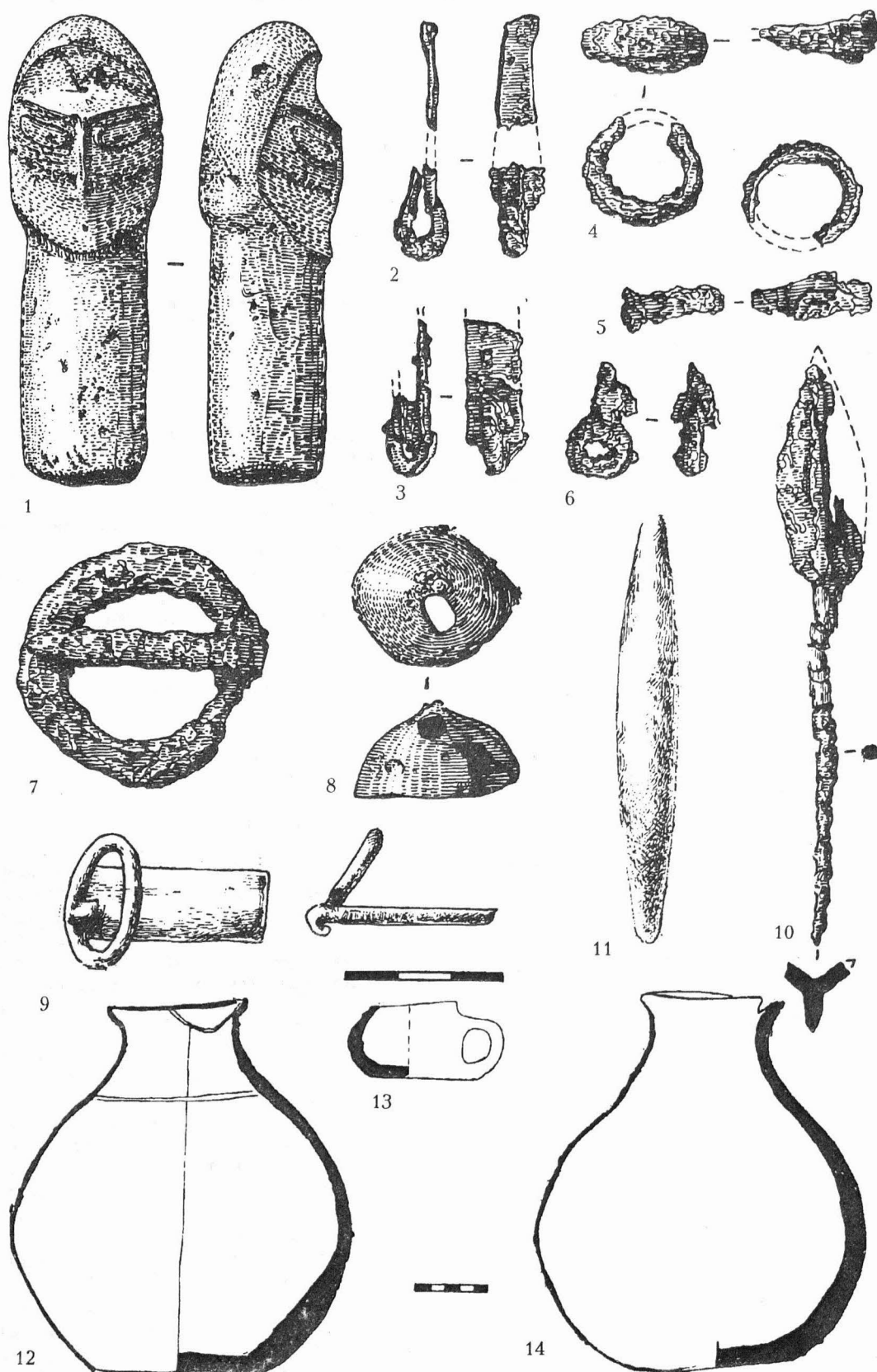

Рис. 6. Курган 33: 1 — идол алебастровый; 2, 3, 6 — железные предметы (погр. 2); 4, 5 — перстни железные; 7, 9 — пряжки железные; 10 — наконечник стрелы железный (погр. 1); 11 — сурьматаш; 12-14 — сосуды

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

136

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

Г. А. БРЫКИНА

ГОРОДИЩЕ МАЙДА-ТЕПЕ

В связи со строительством Керкидонского водохранилища экспедиция-ми Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д. Ф. Винника, Государственного Эрмитажа и Ферганского краеведческого музея под руководством Н. Г. Горбуновой в течение пяти лет проводилось обследование археологических памятников Керкидонского оазиса.

Работы показали, что район был довольно плотно заселен в древности и что на большей части памятников жизнь прекратилась в середине I тысячелетия н. э. В районе открыты обширные неукрепленные поселения, хорошо укрепленные крепости (Мыкты-курган) и городища, окруженные валами.

На северо-восточной окраине кишлака Керкидон расположено городище и отдельные тепе. Эта группа памятников известна под названием Майда-тепе (мелкие тепе).

Городище имеет форму неправильного четырехугольника площадью 80×90 м, ориентированного углами по странам света. В восточном его углу находится цитадель усеченно-конической формы высотой около 7 м. Южная стена городища почти полностью распахана, восточная и западная стены имеют высоту до 1 м. Лучше других сохранилась северная стена, высота которой 2 м. Раскоп, заложенный на западной стене городища, показал, что она сложена из крупных бесформенных глиняных комков — гуваялков и кирпичей. Стена состоит из двух поясов — внутреннего и внешнего. Первый более поздний. Он сооружен на строительном мусоре, под которым лежит культурный слой. Внешний пояс также подстилает культурный слой. Толщина его не превышает 7—10 см. Городище, видимо, имело одни ворота, находившиеся в его северной стене. В южной части городища около стены — два овальных в плане холма. В западном углу городища поверхность довольно ровная, без всхолмлений.

Центр городища занимал большой четырехугольный в плане холм, ориентированный углами по странам света.

Восточную часть городища прорезала глубокая современная траншея; она, видимо, разрушила часть сооружения, скрываемого описанным холмом. На самом краю траншеи расположен большой холм подковообразной формы. Нам представлялось, что этот холм является восточной стеной здания, скрытого под центральным холмом. Раскопки, проведенные на этом участке в 1965 г., подтвердили это предположение. На северном углу холма открыта кладка из сырцовых кирпичей очень плохой сохранности. От этого холма по направлению к центральному идет стена, сложенная из крупных сырцовых кирпичей.

Раскопки показали, что холм заключал в себе большое здание, значительная часть которого была занята парадными помещениями (рис. 43). В южном углу здания располагался почти квадратный в плане зал площадью около 50 кв. м.

Вход в зал находился в северо-западном углу. Ширина дверного проема — 1,15 м. При зачистке пола в дверном проеме обнаружены деревянные бруски прямоугольного сечения, положенные вдоль северо-западной и северо-восточной стен. Один из них имеет прямоугольный паз. Видимо, оба бруска связаны с конструкцией двери и порога. Справа от двери вдоль всей северо-западной стены тянется суфа шириной 45—50 см, высотой 38—40 см. Около юго-западной стены расположена суфа длиной 4,4 м; ширина ее в южной части 68 см, в западной — 49 см, высота 60 см. Угол и край суфы скруглены.

В юго-восточной стене зала находилась ниша. Ее ширина 3,35 м, глубина — 2,40 м. Около ниши вдоль юго-восточной стены находится прямоугольное возвышение высотой 0,2 м; его длина 3,05, ширина 0,75—0,8 м.

Восточный угол зала занимает суфа; она тянется вдоль юго-западной и юго-восточной стен, образуя угол. В 4 метрах от юго-восточной стены (напротив ниши) находится напольный очаг прямоугольной формы, огражденный глинобитным бортиком, высота которого 0,2 м. Размеры очага 1,15×0,75 м. Пол и стенки очага сильно прокалены. На полу около очага — следы длительного и интенсивного воздействия огня. К югу от очага — прямоугольное возвышение, заполненное золой и углями. Плоское перекрытие зала поддерживалось четырьмя колоннами, прямоугольные углубления от оснований которых открыты при зачистке пола. В них лежали доски.

В парадный комплекс входили еще две комнаты, расположенные к северо-востоку от центрального зала. Одна из них, небольшая по площади, представляет собой тамбур перед входом в парадный зал. Помимо дверного проема, ведущего в центральный зал, это помещение имеет еще два других, расположенных по одной оси вдоль северо-восточной стены.

Вторая комната соединена с тамбуром широким дверным проемом, расположенным в северном углу. Его ширина 1,90 м. Комната имеет вид удлиненного прямоугольника (13×4,25 м), вытянутого с юго-востока на северо-запад. Вдоль юго-западной стены тянется суфа длиной в 12,5 м. На расстоянии 3 м от западного края к суфе сделана пристройка шириной 0,3 м. При этом образовался угол, в котором расположена выкладка с округлым краем. В комнате имеется круглый в плане очаг с открытым устьем. Он огражден глинобитным валиком.

Хозяйственные и жилые помещения располагались вдоль северо-западного края здания. Нами открыто четыре комнаты. Они сравнительно небольшие по площади. Две из них удлиненной прямоугольной формы (№ 2, 8), две другие — почти квадратные (№ 3, 4). Помещение 3 являлось, видимо, кладовой. Здесь при зачистке пола найдено много керамики, среди которой преобладают обломки хумов. В южном углу обнаружен хум, вкопанный в пол. Помещение 4 было явно жилым. Вдоль

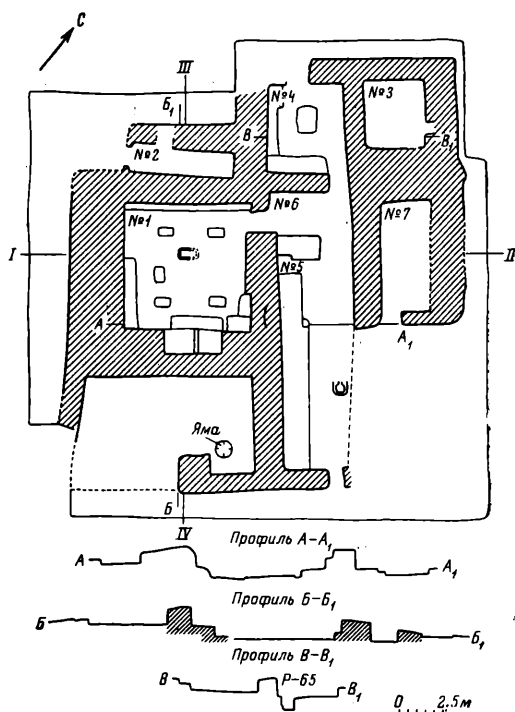

Рис. 43. План раскопа городища Майда-тепе

юго-восточной и юго-западной его стен тянулись суфы из больших сырцовых блоков. В центре комнаты на небольшом возвышении находился прямоугольный очаг, огражденный глинобитным валиком.

Обширное хозяйственное помещение (№ 7) располагалось к северо-востоку от парадного комплекса. Вскрытая площадь равна 28 кв. м (к сожалению, нам не удалось открыть его полностью, так как восточная часть помещения была занята посевами и разрушена арыком). Дверной проем (ширина около 1 м) находился в южном углу. Почти в центре участка обнаружены обуглившиеся деревянные балки диаметром до 15—20 см, лежавшие параллельно юго-западной стене и представлявшие собой остатки рухнувшей кровли. Завал, заполнявший этот участок, состоит из очень рыхлой золистой супеси с большим количеством древесных углей. Этот участок представлял собой, очевидно, часть большого хозяйственного двора, который на одном из этапов жизни здания был превращен в свалку. Этим объясняется обилие находок, происходящих отсюда. На таком сравнительно небольшом по площади участке обнаружена почти половина всей керамики, происходящей из раскопок городища.

За южной стеной зала открыт участок площадью $6,7 \times 9,75$ м, ограниченный стенами, сложенными цепной кладкой из сырцовых кирпичей размером $40 \times 20 \times 12$ см. Две из них являются продолжением северо-восточной и северо-западной стен центрального зала, а третья — параллельна юго-западной стене. При разборке завалов на этом участке обнаружена глинобитная поверхность, уходящая под один из поясов юго-восточной стены центрального зала. Участок имеет явно конструктивное значение, но назначение его неясно.

Для выяснения датировки здания и всего городища в целом важна его стратиграфия. Раскопками выявлено три периода жизни городища. Первый период не был длительным. Он связан с возведением городских стен и строительством центрального здания. Толщина культурного слоя, подстилавшего здание, равна 10—15 см. Он был выявлен под городской стеной, а также в шурфе, заложенном в помещении 6 центрального здания. В нем обнаружены единичные фрагменты керамики. Второй период характеризует время жизни центрального здания и всего городища.

Третий период связан со временем, когда в центральном здании жизнь прекратилась и здесь велись большие строительные работы. Слои, связанные с ними, обнаружены в центральной и северо-восточной части здания, где открыты забутовки из сырцовых кирпичей, положенных в два или три слоя плашмя и на торец. Нам не удалось обнаружить сооружений, ради которых производились забутовки разрушенных помещений. Очевидно, это произошло в последний период жизни городища.

При подсчетах керамики мы выделяем два слоя: I — верхний слой и забутовки, II — полы помещений. Керамика из свалки (помещение 7) подсчитывалась отдельно. Видимо, этот участок использовался под свалку в оба периода. Но поскольку слой был аморфный и перемешанный, нам не удалось установить его стратиграфию.

По характеру покрытия поверхности посуды выделяют восемь групп керамики (неангобированные, красноангобированные сосуды, покрытые черным ангобом, бордо, буро-коричневым, белым, светло-желтым). Девятую группу составляет керамика, изготовленная из специального огнеупорного теста, называемого котловым (см. табл.).

Помимо перечисленных в таблице предметов при раскопках обнаружены фрагменты сосудов с процарапанным орнаментом. Два из них покрыты черным ангобом, шесть — красноангобированные. Все эти находки происходят из помещения 7. Здесь же найдена часть кружки с широким корпусом, прямостоящим широким горлом и петлевидной ручкой.

Судя по находкам днищ, значительная часть больших гончарных сосудов из Майда-тепе сформована на круге с подставкой без подсыпки.

Т а б л и ц а

Характер покрытия	Форма сосудов	Лепные			Гончарные		
		Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка	Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка
Из котлового теста	Формы неизвестны	58	104	108	—	15	—
	Котлы	—	5	17	—	—	—
	Широкогорлые сосуды	—	—	20	—	—	—
	Корчаги	27	5	7	—	—	—
	Горшки	3	1	—	—	—	—
	Миски	1	—	—	—	—	—
Неангобированные	Сосуды неизвестной формы	56	—	21	146	34	83
	Толстостенные большие сосуды	187	234	120	67	49	26
	Тонкостенные	—	4	—	5	26	1
	Миски	20	7	11	13	1	—
	Хумы	41	10	10	5	21	—
	Тагары	—	2	4	—	1	—
	Жаровни	—	—	—	—	—	1
	Кувшины	8	3	2	—	2	—
	Корчаги	10	8	50	5	2	3
	Горшочки	2	1	2	2	3	—
	Бутыли	—	—	—	—	11	6
	Кубки	—	—	—	1	—	—
Красный ангоб	Сосуды неизвестной формы	4	4	2	78	51	21
	Большие сосуды	—	1	1	40	15	20
	Корчаги	—	—	—	—	12	—
	Кувшины	—	—	—	35	1	11
	Горшочки	—	1	—	19	11	31
	Тонкостенные	—	—	—	—	14	4
	Бутыли	—	—	—	—	—	4
	Миски	8	4	—	41	48	67
	Кубки	—	—	—	—	—	—
Черный	Сосуды неизвестной формы	—	5	—	8	18	12
	Кувшины	—	—	—	10	2	6
	Миски	—	—	—	2	1	—
	Бутыли	—	—	—	—	1	1
	Корчаги	—	—	—	—	2	—
	Горшки	—	—	—	—	1	—
	Большие сосуды	—	—	—	10	—	5
	Тонкостенные	—	—	—	1	—	2
	—	—	—	—	—	—	—
Бордо	Сосуды неизвестной формы	—	—	—	8	—	6
	Бутыли	—	—	—	—	3	—
	Небольшие горшочки	—	—	—	1	—	—
Буро- корич- невый	—	—	—	—	—	—	—
	Формы неизвестны	—	—	—	4	—	—

Т а б л и ц а (окончание)

Характер покрытия	Форма сосудов	Лепные			Гончарные			
		Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка	Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка	
Белый ангоб	без росписи	Горшочки	—	—	—	2	—	—
		Большие толстостенные сосуды	21	1	7	43	34	50
		Тонкостенные	—	—	—	22	39	11
		Миски	1	—	—	2	2	—
		Корчаги	—	—	—	6	1	—
		Горшки	—	—	—	—	1	3
		Кувшины	—	—	—	—	1	—
		Неизвестные формы	1	—	—	34	36	48
	с росписью	Большие толстостенные сосуды	—	—	—	6	—	5
		Хумчи	—	—	—	5	1	—
		Кувшины	—	—	—	1	—	1
		Неизвестные формы	9	—	—	9	9	5
		Тонкостенные	—	—	—	17	11	6
		Большие толстостенные	—	—	12	50	—	4
		Корчаги	—	—	—	1	—	—
		Неизвестные формы	—	—	—	—	21	5
		Миски	2	—	4	—	—	—
Итого		451	400	398	699	501	501	

На некоторых экземплярах на стенках у дна отмечены вертикальные срезы ножом, которые являются характерным признаком того, что сосуды сформованы на круге быстрого вращения с подставкой¹. На шести днищах, принадлежавших большим сосудам, а также на днищах всех мисок ясно видны следы подрезки дна ножом.

На внутренней стороне четырех фрагментов лепных сосудов есть отпечатки грубой ткани; два из них происходят из верхнего слоя, один обнаружен на полу, один — в свалке. Видимо, какая-то часть лепных сосудов (судя по малочисленности находок — очень незначительная) формировалась с использованием матерчатого шаблона.

Нужно сказать, что ассортимент посуды, бывшей в обиходе у населения городища, не очень велик, а соотношение находок в каждой из категорий мало изменяется по горизонтам. Можно только отметить резкое преобладание неангобированной посуды, происходящей из верхнего горизонта, по сравнению с посудой этой же группы из нижнего горизонта.

Наибольшее число находок дал верхний горизонт, а соотношение лепной и гончарной посуды во всех слоях — в пользу гончарной, хотя перевес этот не очень значительный:

	Верхний горизонт	Полы	Свалка
Лепная	454	400	398
Гончарная	699	501	501
И т о г о	1153	901	899

¹ Использование ферганскими гончарами круга такой конструкции отмечала В. И. Козенкова на основании анализа керамики из Гайрат-тепе (В. И. Козенкова. Гайрат-тепе, СА, 1964, № 3).

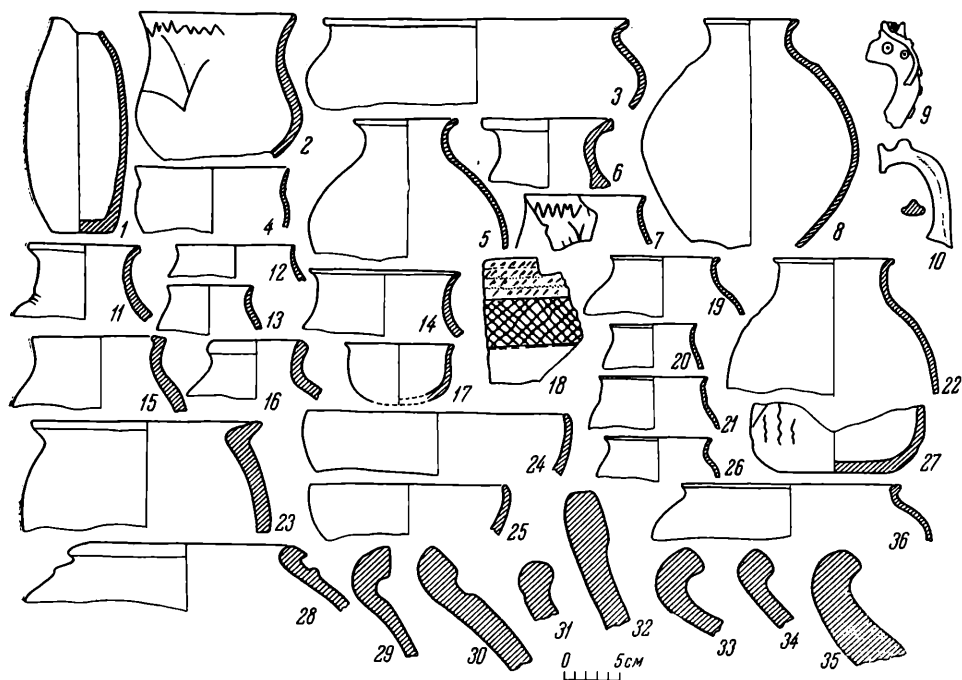

Рис. 44. Керамика из Майда-тепе

Среди лепной посуды во всех случаях преобладают толстостенные большие сосуды из плотного или очень грубого теста с крупными известковыми включениями. Большим сосудам принадлежит значительное место и в гончарной посуде.

Лепную посуду составляют: 1) хумы, имеющие венчики различных очертаний: а) резко отогнутые наружу и имеющие подтреугольное, подчетырехугольное и овальное сечение (рис. 44, 33—35); б) прямостоящие, прямоугольные в сечении (рис. 44, 32); 2) корчаги с узким прямостоящим горлом, плавно переходящим в тулово грушевидной формы. Венчики корчаг или слегка отогнуты наружу (рис. 44, 11), или же уплощены (рис. 44, 15); 3) большие толстостенные миски полусферической формы, уплощенный край которых слегка загнут во внутрь сосуда (рис. 44, 24, 25). Красноангобированные миски также массивны, а ангоб, покрывающий внешнюю поверхность, нанесен небрежно и имеет коричневатый или бордовый оттенок; 4) узкогорлые кувшины с круглыми в сечении ручками; 5) котлы с шаровидным туловом, невысоким прямостоящим горлом, край которого имеет подтреугольное сечение (рис. 44, 36).

Гончарная неангобированная посуда представлена в основном фрагментированным материалом, не поддающимся отождествлению с какими-либо категориями. Эта группа включает хумы с сильно отогнутыми и не отогнутыми венчиками прямоугольного сечения (рис. 44, 29, 30), горшки, миски, кувшины, сходные по форме с красноангобированными.

Большую часть находок в красноангобированной посуде составляют миски. В верхнем горизонте следующее место по числу находок принадлежит большим толстостенным сосудам и кувшинам. Число находок этих категорий резко сокращается в нижнем горизонте.

Все находки бутылей (высоких, почти цилиндрических сосудов с узким горлом) происходят из нижнего горизонта и со свалки (рис. 44, 1).

Кубки представлены пятью экземплярами. По форме ножки и резервуара можно выделить пять типов кубков: 1) кубки с выпукло-

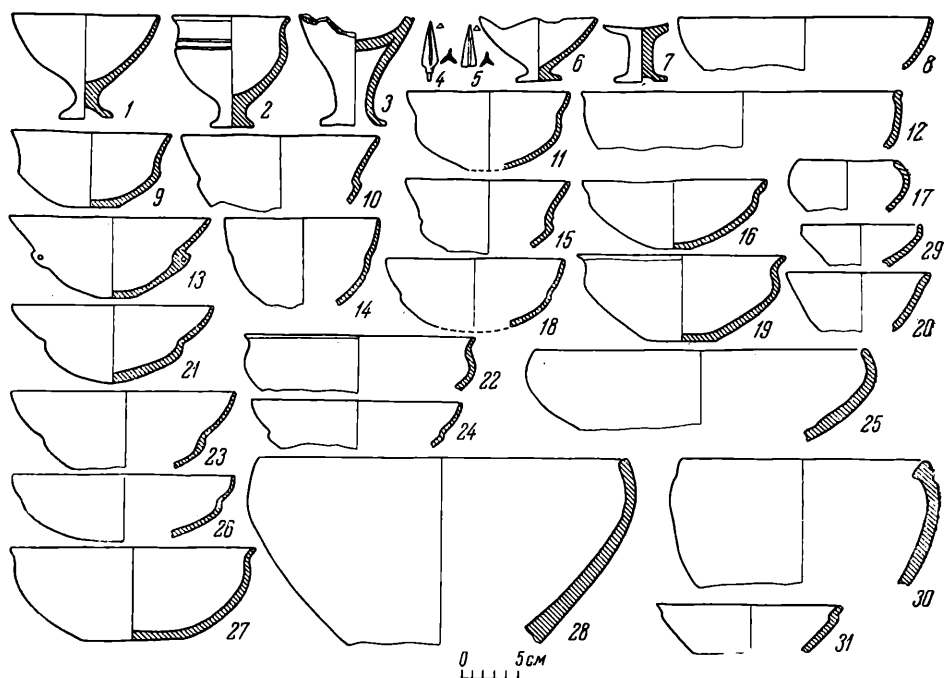

Рис. 45. Керамика и железные наконечники стрел из Майда-тепе

коническим резервуаром и полой кокической ножкой (рис. 45, 1); 2) кубки с усеченно-коническим резервуаром и низкой сплошной ножкой (рис. 45, 6); 3) кубки с широким, плоскодонным резервуаром и высокой ножкой, расширяющейся в нижней части и конической в разрезе (рис. 45, 7); 4) кубки со сплошной ножкой, выпукло-коническим туловом, имеющим перегиб в верхней части и слегка отогнутый край (рис. 45, 2); 5) большие кубки на высокой полой ножке, расширяющейся кверху (рис. 45, 3).

Кубки 1-го и 3-го типов покрыты светло-желтым ангобом, остальные — красноангобированные. Кубок 1-го типа происходит из верхнего горизонта, он обнаружен на уровне забутовки в северном углу тепе. Остальные кубки найдены в свалке.

Кувшины представлены сосудами с низким и широким горлом, яйцевидным туловом, сильно расширяющимся на середине высоты сосуда (рис. 44, 5, 8, 22). Большая часть кувшинов не имела ручек. Но были отдельные экземпляры кувшинов с ручками. В помещении 7 (в свалке) найдена овальная в сечении ручка с цилиндрическим налетом в верхней части (рис. 44, 10). Другая ручка, найденная на полу в центральном зале, увенчана изображением животного со стоящими ушами (рис. 44, 9). От лба по шее тянется налепной жгутик, имитирующий, видимо, повод; глаза трактованы налепами из жгутов, образующих кружки.

Небольшие тонкостенные горшочки имели невысокое горло, плавно переходящее в шаровидное тулово. Край горла утоньшен или отогнут наружу (рис. 44, 4, 20, 21, 26).

Большие горшки представлены сосудами двух типов: 1-й тип составляют горшки с высоким, слегка округлым туловом баночной формы; венчик уплощенный, в сечении треугольный (рис. 44, 23). 2-й тип — горшки с шаровидным туловом, подтреугольным в сечении венчиком. Под венчиком — налепной валик (рис. 44, 28).

Баночные сосуды представлены двумя типами. 1-й тип — небольшие широкогорлые сосуды. Они имели отогнутый край и тулово с резким

перегибом в нижней части. Диаметр сосуда в наиболее широкой части почти равен диаметру устья. Эта категория керамики представлена одним экземпляром, внешняя поверхность которого покрыта буро-коричневым ангобом, по которому нанесен процарапанный орнамент (рис. 44, 2). На стенках у дна следы грубой подрезки ножом.

2-й тип — большие широкодонные сосуды с вертикальными стенками, украшенными процарапанным орнаментом, в одном случае это вертикальные волнистые линии (рис. 44, 27), в другом — полоса, ограниченная параллельными линиями и заполненная пересекающимися параллельными линиями, опоясывает тулово сосуда (рис. 44, 18).

Миски, как указано выше, составляют наиболее многочисленную категорию керамики из всей красноангобированной посуды.

Выделяются девять их типов:

- I. Миски с сильно расширяющимся кверху усеченно-коническим корпусом и высоким прямостоящим бортиком, имеющим прогиб на середине высоты (рис. 45, 9).
- II. Миски с усеченно-коническим корпусом и расширяющимся кверху бортиком, прямые стенки которого утоньшены к краю. При переходе от бортика к корпусу — порожек, в одних случаях скругленный (вариант «а», рис. 45, 11) в других — с резким контуром (вариант «б», рис. 45, 10, 15). Один экземпляр этого типа имеет треугольные налпы с отверстиями для продевания шнура (вариант «в», рис. 45, 13).
- III. Миски с перегибом составляют сосуды с полусферическим корпусом и отклоненным наружу бортиком, край которого слегка загнут во внутрь. Общей чертой сосудов этого типа является глубокая бороздка, отделяющая корпус от бортика. Варьируют только степень отклонения и высота бортика (рис. 45, 14, 18, 21, 23, 24, 25).
- IV. Большие тонкостенные миски полусферической формы с утоньшенным краем (рис. 45, 8).
- V. Миски с полусферическим корпусом, небольшим уплощенным дном, невысоким бортиком, отделенным от корпуса глубокой бороздкой (рис. 45, 16).
- VI. Полусферические широкодонные миски с утоньшенным и отогнутым наружу краем (рис. 45, 19, 22, 27).
- VII. Большие миски конической формы с загнутым краем: представлены двумя вариантами — «а» (миски с сильно вытянутым корпусом; рис. 45, 28) и «б» (миски с невысоким корпусом; рис. 45, 25).
- VIII. Большие шаровидные миски, уплощенный венчик которых загнут во внутрь сосуда (рис. 45, 30).
- IX. Широкодонные миски с почти вертикальными стенками, уплощенный край которых имеет подтреугольное сечение (рис. 45, 12).

Керамика из Майда-тепе обнаруживает сходство с материалами из Ферганы и соседних областей. Особенно большое сходство выявляется при сравнении мисок². Так, миски II типа (варианты «б») помимо Майда-тепе обнаружены на Мыкты-кургане, поселении 5, Чун-тепе (Керки-дон), в Сым-тепе и Гайрат, причем в последнем они преобладают в верхнем горизонте. Миски, аналогичные сосудам варианта «в» II типа (рис. 45, 13), есть в поселении 5 и Мыкты-кургане. В Гайрат-тепе они обнаружены в слоях первого и второго строительных периодов, причем в первом периоде они преобладают³.

² Большая работа по сравнительному анализу керамики проделана Н. Г. Горбуновой (Н. Г. Горбунова. О датировке Ферганской керамики с красным ангобом. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 81 и сл.).

³ В. И. Козенкова. Указ. соч., стр. 230, рис. 5, 2; стр. 232, рис. 6, 1; стр. 233, рис. 7, 10.

В отличие от плоскодонных гайрат-тепинских мисок сосуды из Майда-тепе имеют округлое, слегка уплощенное дно. Поскольку наибольшее число находок происходит с памятников Керкидона, миски IV, VI, VII типов можно считать характерными для этого микрорайона. Миски IV типа обнаружены только на городищах Керкидонского оазиса, причем больше всего — в Майда-тепе. Миски VI типа встречены на всех памятниках Керкидона. Очень немного их в Сым-тепе. Миски VII типа не обнаружены ни на одном из памятников Ферганы, за исключением Майда-тепе. Но зато они сходны с согдийскими чашевидными кубками из слоев V—VI вв. Тали-Барзу⁴ и Пенджикента⁵.

Кубки 1-го и 2-го типов также находят аналогии в материалах из Пенджикента V—VI вв.⁶

Баночные сосуды, аналогичные майда-тепинским (1-й тип), есть в слое первого строительного горизонта Гайрат-тепе⁷ и в кургане 129 Карабулакского могильника⁸.

Ни одна из приведенных категорий керамики не дает бесспорных оснований для абсолютной датировки памятника. Красноангобированная ферганская керамика неоднократно привлекала внимание археологов⁹. Исследователи относят ее к периоду от II в. до н. э. до VI—VII вв. н. э. Они обращали внимание на трудность определения абсолютной датировки из-за отсутствия памятников с четкой и хорошо изученной стратиграфией, дающей основу для относительной хронологии керамики. Осложняет работу и отсутствие полных публикаций курганных комплексов. Первая попытка абсолютной датировки, вполне обоснованная стратиграфическими наблюдениями, была сделана В. И. Козенковой на основании материалов из Гайрат-тепе¹⁰.

Типологический анализ керамики из подбойно-катакомбных захоронений дан Б. А. Литвинским¹¹.

Н. Г. Горбунова, привлекая материал всей Ферганы, видела локальные группы керамики¹², а также наметила шкалу относительной хронологии памятников, давших красноангобированную керамику. По схеме Н. Г. Горбуновой, наиболее ранним оказалось городище Сым-тепе в Фергане, наиболее поздними — Гайрат-тепе, слой II/4, датированный В. И. Ко-

⁴ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II. Л., 1940, стр. 101, рис. 6, в, д.

⁵ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента. МИА, № 37, 1953, стр. 140, рис. 7; Б. И. Маршак. Отчет о работе на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, № 124, 1964, стр. 129, рис. 21, 2, 3.

⁶ Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 228, рис. 21, 1; см. также фонды Таджикской экспедиции.

⁷ В. И. Козенкова. Указ. соч., стр. 230, рис. 5, 4.

⁸ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. «Изв. АН Киргизской ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3 (история). Фрунзе, 1961, стр. 74, табл. VIII, рис. 8.

⁹ Б. А. Латынин. Вопросы ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1954; он же. Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961; он же. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1939 г. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», № 3. Л., 1961; он же. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. М., 1962; А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 1949, № 1; он же. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс.; он же. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960; он же. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954.

¹⁰ В. И. Козенкова. Указ. соч.

¹¹ Б. А. Литвинский. История и культура Восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников). Докторская дисс. (архив ИА АН СССР). М., 1969.

¹² Н. Г. Горбунова. О локальных особенностях древней культуры Ферганы. СА, 1970, № 1.

зенковой V—VI вв., и карабулакский замок. Керкидонские поселения хронологически укладываются между ними ¹³.

На основании сравнительного материала и анализа других категорий находок (наконечники стрел) Н. Г. Горбунова приходит к выводу, что время бытования красноангобированной керамики с этих памятников можно ограничить II—VI вв. н. э.

Городище Майда-тепе дало хорошо стратиграфически расчлененный материал. Но, как сказано выше, нам не удалось выделить типы керамики, присущие какому-либо определенному периоду. Думаю, что к числу наиболее поздних находок могут быть отнесены кубки 1, 2 и 3-го типов, миски VII типа, кувшины с ручками.

Для датировки этого комплекса чрезвычайно важны два железных наконечника стрел, обнаруженных на полу в центральном зале. Один из них целый; от другого сохранилась лишь верхняя часть пера. Но он, видимо, принадлежал к тому же типу, что и первый. Это трехлопастные, удлинённой формы стрелы с тупоугольным основанием пера и муфточкой-порожком в верхней части черешка. Наконечники подобного типа неоднократно отмечены в находках со среднеазиатских памятников. Один наконечник этого типа был обнаружен в карабулакском могильнике. Ю. Д. Баруздин сравнивал эту находку с подобными стрелами из сарматских комплексов Поволжья и считал возможным датировать наконечники стрел этого типа III—IV вв. н. э. ¹⁴ С. С. Сорокин датировал бытование трехлопастных стрел с муфточкой-порожком V—VIII вв. н. э. ¹⁵ Б. А. Литвинский, принимая верхнюю дату, предложенную С. С. Сорокиным, считает, что появление наконечников этого типа следует датировать IV в. н. э. ¹⁶

Наконечники из Майда-тепе отличаются от сарматских удлинённостью пропорций (у сарматских наконечников более короткое перо и более широкое его основание). Майда-тепинские наконечники, думаю, можно сравнивать не с сарматскими, а с салтовскими и раннетюркскими наконечниками стрел, имеющими также удлинённые пропорции ¹⁷. Очевидно, их можно датировать серединой I тысячелетия н. э.—VII в.

Для датировки городища важна стратиграфия находок. Стрелы найдены на полу центрального зала. Они, следовательно, датируют один из последних периодов жизни городища. Все же находки из слоя забутовок могут быть отнесены к более позднему времени. Но время бытования керамики из верхнего слоя, судя по приведенным выше аналогиям, не выходит за рамки того периода, которым датируются стрелы, т. е. серединой I тысячелетия — VII в. н. э. Следовательно, этим временем можно датировать время жизни городища Майда-тепе.

¹³ Н. Г. Горбунова. О датировке ферганской керамики..., стр. 82.

¹⁴ Ю. Д. Баруздин. Указ. соч., стр. 62, рис. 12 нижний ряд, второй слева.

¹⁵ С. С. Сорокин. Боркорбадский могильник. ТГЭ, т. 6. Л., 1961, стр. 154; он же. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, рис. 2, 8.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2, стр. 85.

¹⁷ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА, № 62, 1958, стр. 123, рис. 16, 1, 3.